

велѣлъ есмь бити в не на обѣдѣ, коли игумень обѣдаеть»⁹⁶), или же в вечервой колокол. В первых двух случаях, по монастырскому уставу, чернецы не имели права отлучиться из своей обители. Ефрем вернулся от посадника, когда звонили, и следовательно, не мог увидеться с Исихием.

«Чемоу» — зачем. «А чемоу са гнѣваеши» — зачем же ты гневаешься? «А а вьегда оу тебе» — а я всегда у тебя; по смыслу: ведь я всегда при тебе, всегда у тебя по первому зову, всегда твой.

«Соромъ» — стыд, срам, бесчестие. «А соромъ ми, оже ми лихо мѣвлалаше» — и стыдно мне, что ты мне так плохо сказал. «И покланю ти са, братьче мой» — и кланяюсь тебе, братец мой! «То си хотя мѣлви: «Ты еси мой, а а твой» — ты бы то сказал: «Ты мой, а я твой».

Общий перевод: «Поклон от Ефрема к брату моему Исихию. Не расспросив, ты разгневался. Меня игумен не пустил, а я отпрашивался. Но он послал меня с Асафом к посаднику за медом. А вернулись мы, когда звонили. Зачем же ты гневаешься? Я ведь всегда твой. Для меня оскорбительно, что ты так плохо мне сказал: „И кланяюсь тебе, братец мой!“ Ты бы хотя бы сказал: „Ты — мой, а я — твой!“»

Очевидно, что письмо является ответом на упреки Исихия, показавшиеся Ефрему горькими и крайне не справедливыми. Ефрем не пришел к Исихию в назначенный срок, но это случилось только потому, что его не отпустил игумен несмотря на его просьбы. Вернулись же Ефрем с Асафом, когда звонили, т. е., вероятно, именно в назначенный Исихием час.

В конце письма используется формула побратимства «ты — мой, а я — твой», противопоставленная Ефремом презрительному выражению Исихия «братец мой», тогда как само понятие монашеского «братства» требует снисходительности и всепрощения.

Стиль письма изящен и выдает в его авторе хорошо грамотного и интеллигентного человека. Единственный Ефрем, известный в Новгороде XII в., — монах Ефрем, ставший юрьевским игуменом после Исайи. Его имя фигурирует только в летописном списке новгородских архимандритов между именами Исайи и Дионисия⁹⁷. Исайя строителствовал еще в 1134 г.⁹⁸ Дионисий поставлен в игумены в 1158 г.⁹⁹ Если предполагаемая идентификация справедлива, то грамота должна относиться ко времени игуменства Исайи. Надпись XIX в. на надгробной плите Исайи в Георгиевском соборе Юрьева монастыря относит его кончину к 1157 г.¹⁰⁰, но эта дата неверна, поскольку она опирается только на летописное сообщение об избрании в игумены Дионисия, а не упомянутое в летописном рассказе имя Ефрема и самый факт его игуменства составителю эпитафии остались неизвестными.

Грамота № 605 принадлежит к числу наиболее значительных берестяных документов, отличаясь ранней датой, полнотой текста и незаурядным содержанием. Она имеет не только филологическую ценность, но и является древнейшим источником для изучения древнерусского этикета.

Грамота № 606

Грамота № 606 найдена на Троицком раскопе, в дренажной канаве (квадраты 409, 416, 423), на уровне пластов 15—16 (глубина 2,80—3,20 м), в слоях яруса 17 или 18 Пробойной улицы. Это два не соединяющихся между собой обрывка. На первом обрывке, происходящем из середины документа:

---нлѣг
-----тадѣжапк

Длина 22,3 см, ширина 3,7 см.

На другом обрывке, сохранившем конец записи:

---н[ъ]едѣжапк
-[б]ницѣдрѣгаажн
та

Длина 22,3 см, ширина 6,5 см.

⁹⁶ ГВНП, с. 140, 141, № 81.

⁹⁷ НПЛ, с. 475.

⁹⁸ НПЛ, с. 23, 208.

⁹⁹ НПЛ, с. 30, 217.

¹⁰⁰ Великий князь Николай Михайлович. Русский провинциальный некрополь. М., 1914, т. I, с. 399.

Стратиграфическая дата: третья четверть XII в. Палеографические признаки весьма архаичны: Ж — в три взмаха, Ё — полностью уместившийся в строке во всех случаях его употребления.

В первом обрывке, очевидно, упомянута «дѣжа пѣ(шеницѣ)», во втором — «дѣжа пѣ(ш)еницѣ, дръгад жита».

Слово «дѣжа» было встречено на бересте в грамотах № 50, 191, 219, 220, 253, 320, 353, где оно всегда означает меру измерения зерна.

Грамота № 607

Грамота № 607 найдена на Троицком раскопе, в квадрате 415, на глубине 3,45 м, в ярусе 20 Пробойной улицы. Это, по-видимому, целый документ, содержание которого уместилось в одной строке:

жизнобоудепогоубленеоусычевиць

Длина 28 см, ширина 1,9 см.

Стратиграфическая дата: вторая четверть XII в. Из наиболее характерных палеографических признаков этого времени следует указать Ж в три взмаха и Ч в виде бокальчика.

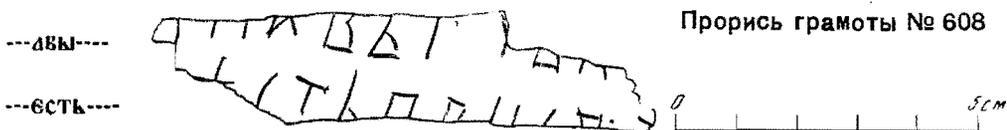
Грамота легко разделяется на слова:

Жизнобоуде погоублене оу Сычевиць.

В письме, не называющем ни автора, ни адресата, сообщается об убийстве некоего Жизнобуда, погубленного «оу Сычевиць». Последнее слово может означать место, но не исключено, что оно называет семью, в которой произошло это убийство. Имя Жизнобуд в древнерусских источниках не встречалось, однако оно образовано по хорошо известной модели таких славянских имен, как Дорогобуд, Житобуд и т. п.

Грамота № 608

Грамота № 608 найдена на Троицком раскопе, в квадрате 403, на глубине 3,34 м, в ярусе 20 Пробойной улицы. Это небольшой фрагмент документа:

Длина 8 см, ширина 1,7 см.

Стратиграфическая дата: вторая четверть XII в. Для палеографии и истолкования нет данных.

Грамота № 609

Грамота № 609 найдена на Троицком раскопе, в квадрате 363, на уровне пласта 14 (глубина 2,60—2,80 м), в ярусе 15 или 16 Пробойной улицы. Это целый документ:

на · в · ко · ноу · безъ · по · лоу · г · кне · и · гр · венъ
на · треть · емъ · д · наръ · жи · по · лъ · г · коу · не
и · в · гр · вен · на · са · ну · хъ · г · ки · нъ · на · вер · ти · щ
г · и · г · те · на · м · ло · бъ · ть · ѿ · ки · нъ · на · во · се · по
лъ · а · на · г · ки · на · по · л · ти · но · з · р · зе
на · по · л · сти · не · в · коу · не · на · е · моу · г · р · зе
оу · тво · ри · ми · ра · по · лъ · гр · вен · бе · зъ · но · га · т